



ВАСИЛИЙ
САХАРОВ

КУБАНСКАЯ
КОНФЕДЕРАЦИЯ



СОЛДАТ
МЕЧНИК
ПРИВАТИР
ДАЛЬНИЙ ПОХОД
ГРАФ МЕЧНИКОВ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С22

Серия «БФ-коллекция»

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Сахаров, Василий Иванович

С22 Кубанская Конфедерация: Солдат. Мечник. Приватир. Дальний поход. Граф Мечников : сборник / Василий Сахаров. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2021. — 912 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-138299-5

Планета Земля пережила катаклизм, и от привычного мира остались лишь осколки. Большая часть человечества погибла в результате применения боевого модифицированного вируса черной оспы. Болезнь не делала различия между людьми и никого не делила по цвету кожи, по религии или месту проживания. Так пришло время Черного Трехлетия. Остатки человечества, которые смогли пережить страшное время, оказались предоставлены сами себе и, отделенные огромными пустынными пространствами, были вынуждены строить новое общество. Прошли годы, города и поля покрылись густым лесом, авиации нет, техники мало, производства разрушены, людей не хватает, но тем не менее вновь идут войны, плетутся заговоры и политические интриги, а самый обычный парень из лесной деревни выходит в большой мир и находит в нем свое место. Александр Мечников не стремится совершать великих подвигов, он делает что должен и служит обществу, которое его воспитало. И сражаясь против врагов Кубанской Конфедерации, которые завтра вполне могут стать его союзниками, он имеет огромное желание выжить в кровавых битвах за Дон, Крым и Кавказ. Он человек нового времени — воин Четвертой гвардейской бригады ККФ, который живет по своим понятиям о чести, храбрости, добре и зле, полагаясь только на верных друзей, доброе оружие и острую сталь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-138299-5

© Василий Сахаров, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

СОЛДАТ



Пролог

Северный Кавказ. Станица Зольская. 05.05.2060

Патронов оставалось два рожка, гранат нет, поддержки нет, тяжелое вооружение еще в прошлых боях потеряли и, походу, приходит нашему славному гвардейскому батальону, полный пендык. Сейчас «индейцы» перекурят, анаша их торкнет, они насваем сверху закинутся, подтянут минометы, накроют нас огнем, а потом пройдут поверх наших окопов и добьют выживших.

Говорил мне поселковый староста, сиди в родном лесу и не вылезай в большой мир, так нет же, на романтику и приключения меня, долбоноса лесного, потянуло, сбежал из родного села и в армию ушел. Тогда мне казалось, что все замечательно, в один из лучших отрядов во всем нашем государстве попал. Да, уж теперь-то я понимаю, что «попал» реально.

Из блиндажа до меня донесся рев нашего комбата, полковника Еременко, который в очередной раз по рации общался со штабом нашего экспедиционного корпуса.

— Суки! Попомните мое слово, если я выживу, лично вас, тварей, кончу! Ушлепки! — на некоторое время его голос стих, но ненадолго: — Чего ты меня лечишь, ге-не-рал сраный? Какая на хрен позиция, какие фланги? Я тебе нормальным русским языком говорю, что ни справа, ни слева, на несколько километров вокруг никого нет, и мы здесь одни остались. Ты нас подставил, скотина! Да, пошел ты, мудака!

Еременко, как никогда похожий на медведя, огромный, здоровый мужик под два метра ростом, всклокоченный, в незастегнутой разгрузке, с АКМом в правой руке, вылетел из блиндажа и присел на пустой ящик рядом с входом.

— Козлы! — выдохнул он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Ненавижу! — после этих слов комбат достал из нарукавного кармашка камка смятую пачку сигарет без фильтра, вынул одну скомканную белую бумажную палочку и обратился ко мне:

— Саня, дай прикурить.

Приподнявшись, я перекинул ему коробок спичек и спросил:

— Что, Иваныч, плохо наше дело? — я был фамильярен с полковником, но сейчас это не играло никакой роли.

Полковник прикурил, затынулся во всю мощь своих сильных легких, с наслаждением выдохнул и ответил:

— Да, Санек, дела наши не слишком хороши, но мы ведь гвардия и, значит, будем стоять насмерть, чтоб им всем пусто было. Ты как, готов к подвигу?

— Ага, — только и ответил я, поскольку ничего иного мне на ум не пришло.

— Вот и правильно, — вновь затягиваясь сигареткой, философски заметил Еременко. — Пройдись по окопам, сержант, посмотри, сколько наших бойцов в живых осталось.

— Это я и так знаю, после крайней атаки считал, сорок два солдата и два сержанта.

— А кто второй сержант?

— Исмаил-ага.

Еременко швырнул бычок сигареты в стенку траншеи, и он, ударившись об земляной откос, сыпанул искрами и упал ему под ноги. Комбат тоскливо вздохнул и сказал:

— Получается, Сашко, что ты теперь мой зам.

— Это так важно, командир?

— Командная цепь всегда важна, — он приподнялся, выглянул из нашего укрытия и добавил: — Все, сержант, «индейцы» минометы на высоту вытягивают, и у нас есть еще десять минут.

— Десять минут, — я в задумчивости посмотрел на небо, — это неплохо.

Комбат прикурил еще одну сигаретку, сплюнул с губы прилипший табак и вслед за мной задумчиво посмотрел на синее небо, которому было безразлично, сохнем мы сегодня здесь или останемся жить. Затянувшись сигаретным дымком, он спросил:

— Что думаешь, сержант, есть там наверху кто-то, кто примет наши души в некий рай?

— Без понятия, Иваныч, никогда всерьез не размышлял над этой темой.

— Ну, да, конечно, ты молодой еще, — он усмехнулся и спросил: — А помнишь, как ты к нам попал?

— Это да, помню, — улыбка растянула мои пересохшие губы, — такое долго запоминается.

— Хорошее время было.

Отвечать Еременко я не стал, так как нам стало не до разговоров. В воздухе противно завывали мины, мы спрятались в блиндаж, а смертоносный груз, посылаемый «индейцами», падал на наши позиции и перепыхивал землю. В блиндаже нас сидело трое: комбат, связист Костик Свиридов и я. Мы надеялись, что сможем переждать время огневого налета в укрытии, а после этого принять бой с «индейцами» и еще какое-то время подергаться, но надежды наши не оправдались. В хлипкие перекрытия блиндажа сверху ударила начиненная взрывчаткой мина, и последнее, что я почувствовал в тот день, была непомерная тяжесть земли, обрушившейся на мою спину.

Глава 1

Кубанская Конфедерация. Поселок Лесной. 16.11.2056

Бежал я долго, и легкие уже отказывались прогнать через себя воздух, лицо было исцарапано ветками, а полушубок измазан в болотной грязи и изорван сразу в нескольких местах. Хотелось упасть на покрытую первым снежком землю, ухватить прохладу в ладони и размазать эту смесь по голове, хотя

бы таким способом остудить горящее от прилившей к щекам крови красное лицо. Нет, останавливаться было нельзя, и, преодолевая себя, пересиливая слабость тела, я заставлял себя раз за разом переставлять ноги и бежать.

Позавчера мне исполнилось семнадцать лет, и, по меркам родного государства, я стал совершеннолетним. Празднование этого события у меня, сироты, пять лет назад оставшегося без родителей и проживающего на попечении общины, в батраках у старосты, прошло вполне обычно: распитие самогона на конюшне с товарищами, такими же, как и я, временно подневольными работягами, и здоровый сон. В общем, день как день, и прошел он вполне предсказуемо. Мой последний день в родном поселке Лесном, который расположился в лесах неподалеку от хребта Пшаф с одной стороны и городом Горячий Ключ с другой.

Ситуация вышла из-под контроля в районе полуночи, когда ко мне в комнату проникла Верка, младшая дочка старосты, крепкая двадцатилетняя деваха, весьма разгульного образа жизни, которую батя никак не мог пристроить замуж. Не сказать, чтоб она была страшенькая или имела какой-то физический недостаток, врать не буду. На вид, Верка вполне нормальная и довольно симпатичная девушка, вот только мужиков любила сверх всякой меры, и, наверное, не было в нашем поселке такого представителя сильного пола, с которым бы не провела развеселая старостина дочка ночь. Хм, видать, пришла и моя очередь.

Не зажигая восковой свечи, стоящей в изголовье моего топчанчика, Верка скинула с себя платье и залезла ко мне под одеяло. Тело ее было жарким, хотелось обхватить его руками и мять, прикосаться ладонями ко всем манящим выпуклостям, но было как-то боязно. Впрочем, девушка полностью взяла инициативу в свои руки, и у нас все сладилось очень даже удачно, три раза подряд.

Уснули мы в обнимку, а когда рано утром я проснулся, то обнаружил, что надо мной нависают четыре бородатых лица. Одно лицо принадлежало старосте Никите, крепкому дяде с мощными кулаками, местному корольку, а три других — его амбалистым сыновьям: Семену, Игнату и Петру.

— Вставай, зятек, — староста ласково, как родному, улыбнулся мне и в усмешке обнажил свои желтые прокуренные зубы.

Мне стало не по себе от таких слов, и я оглянулся на Верку, которая показала из-под одеяла свою сонную растрепанную мордашку и недоуменно разглядывала отца с братьями.

— Чего это сразу зять? — попробовал я отмазаться. — Дядя Никита, что за дела? Ты ведь знаешь, я теперь свободен и сам определяю, что мне делать и куда идти? Какой зятек? Ничего не знаю.

— Ах ты, курвец, — улыбка не покинула старосту и стала еще шире, — мою девочку, цветок нераспустившийся, совратил, а теперь в кусты? Нехорошо так поступать, Сашко, неправильно. Придется тебе жениться на моей дочке. Ты не переживай, свадьбу в три дня сыграем, дом вам выделю, хозяйство какое-никакое, коровку, свинок, и станешь ты справным крестьянином, честным жителем Лесного.

— А если я не соглашусь?

— Тогда назовем тебя насильником и кастрируем, все по закону.

— Папаня, — вклинилась в разговор Верка, — а чего это вы здесь? — Как сытая кошка она потянулась всем своим дебелим телом, и ее горячее бедро коснулось моего.

— Да вот, доча, замуж за Сашку Грамотея тебя выдать хочу. Ты не против? Верка повернулась ко мне, окинула оценивающим взглядом и своими словами подписала мой разговор:

— Нет, не против, справный мужик и мужем хорошим будет. Молод еще, конечно, но это еще и лучше.

— Ну, — староста встал с табуретки, на которой сидел, — раз все согласны, счастья и любви вам, дети. Благословляю вас. Совет и любовь, как говорится.

Никита и его сыновья покинули мою комнатку, а я задумался. Да, хитер староста, одним махом два дела делает: дочку беспутную пристраивает и меня, единственного грамотного человека из молодежи, кто в поселке живет, на землю сажает. Зря я с ним на прошлой неделе разговор завел, что в город уйти хочу, ой, зря. Оно-то, конечно, жениться я не против, и хозяйство завести, и дом, и детишки чтоб были, психология деревенская во мне крепкие корни пустила, но в семнадцать лет о свадьбе думать рановато, и не с Веркой мне мое будущее виделось.

Тем временем дочка старосты потянулась ко мне, поцеловала в губы и, склонив голову на мою грудь, сказала:

— Ты не подумай, Сашка, я тебе верная буду. Ты только будь со мной всегда и ублажай почаще.

— Верунчик, — приподнявшись, взглянул на девушку и спросил: — о чем ты говоришь? Ты мне не нужна, вот и весь сказ.

— Куда ты денешься, дурашка, — ее руки шаловливо заскользили по моему обнаженному телу. — Сбежать ведь все одно не выйдет, а папаня он такой, сказал, что кастрирует, значит так и сделает. Ведь нам хорошо было ночью, правда?

— Хорошо-то, хорошо, ты баба горячая, спору нет, но мне здесь не место, да и подлю это, подставлять меня так.

— Жизнь такова, Сашенька, а ты ничего изменить не сможешь, так что покорись и прими все как есть.

— Ну, ладно, — решил я схитрить, — раз уж дело так повернулось, пойду нам дом присматривать.

— Подожди, не спеши, — Вера обхватила меня руками и навалилась сверху, — давай еще разок.

В общем, пришлось ублажить ненасытную деваху еще разок и только после этого выходить на двор. Здесь меня уже ждали мои вчерашние собутыльники, которые, вот же сволочи, прекрасно знали, что со мной должно было произойти, и от души были этому рады. Понимаю их, перекинули стрелы на меня и от Верки, с которой неоднократно на сеновале валялись, на некоторое время избавились.

— Поздравляю! — первым ко мне подлетел Ефим, небольшого росточка мужичок, должник Никиты. — Теперь ты, Сашка, большой человек в поселке будешь, зять самого старосты.

— Пошел ты, — толкнул я его в грудь. — Чего не предупредил?

— Успокойся, — хлопнув меня по плечу, рядом нарисовался Шкаф, торгожник, присланный в поселок на исправление как рабочая сила, под ответственность общины. — Староста не велел тебя предупреждать, а против его слова в поселке никто не пойдет, так что без обид, Грамотей.

— Ладно, — согласился я и направился со двора.

— Саня, — окликнул меня Шкаф, — не дури. Никита всех мужиков предупредил, что ты сбежать можешь, а кто тебя упустит, тот неприятностей огребет.

— Да-да, — вторил ему Сивый, еще один работник старосты, занимающийся ремонтом ворот, — а кому-то из нас придется на Верке жениться. Ты пойми, Санек, нам этого не надо, долги отработаем и по своим дворам разойдемся. Нам проблемы с Никитой не нужны.

Молча, я направился осматривать новенькие деревянные дома, построенные этим летом и стоящие неподалеку от подворья старосты. Про то, как я стал женихом, уже весь поселок знал. Кто-то улыбался, кто-то посмеивался, а пара молодых девчат, с которыми я еще по осени после танцев целовался, печально улыгнулись и, не перекинувшись даже словом, прошли мимо. Вот так вот, еще вчера Сашка Мечников по прозвищу Грамотей, крепкий статный блондин с серыми глазами, которого природа силой не обделила, был для них желанной партией, а сегодня — все, запретный плод и чужой жених. Эх, пропади все пропадом, надо бежать, больше ничего на ум не приходит. Староста думает, что подловил меня, что нет у меня бумаги, личность удостоверяющей, но это не так, в подкладе моего полушубка было зашито свидетельство о рождении, заверенное не абы где, а в городской управе. Так что дело остается за малым, добраться до города.

Прожаживаясь по домам, я делал вид, что осматриваю их, готовлюсь к будущему заселению, а сам смотрел в сторону леса, который начинался сразу же за поселком. К полудню вернулся на подворье старосты, плотно пообедал и обсудил с будущим тестем приданое, которое он давал за Веркой. Надо сказать, по меркам Лесного, приданое было хорошим: стельная корова, три поросенка, кролики, корма, мебель, одежда и белье. Некоторые местные парни были бы этому только рады, но я уже определился в своем жизненном пути и после разговора с Никитой вновь направился в поселок. Еще раз прошелся по дворам новостроек, улучил момент, когда меня никто не видел, и юркнул к поселковому тыну. Своротив хлипкое подгнившее бревнышко, пролез через дыру, немного пробежался по зарослям можжевельника и оказался в лесу.

Чередую бег и шаг, налегке, направился на юго-восток, в сторону Горячего Ключа, ближайшего городка и нашего районного центра, в котором я мог найти свое спасение. Переходя с горки на горку и не выходя на дорогу, охотничьими тропами, не останавливаясь ни на минуту, я шагал к заветной цивилизации. К вечеру переправился через речку Малый Дыш и остановился на ночевку. Несколько часов вздремнул у костерка и, проснувшись, до самого утра мечтал о своем будущем и месте, какое я займу в городском обществе. Понимал, что планы мои далеки от реальности, но они отвлекали меня от мыслей о сыновьях старосты, которые наверняка уже вышли из поселка с собаками-ищейками на поводках и идут за мной след.

Что я знал о том мире, в котором был всего пару раз и который был моей мечтой всю значительную жизнь? Несмотря на множество прочитанных книг и газет, хранившихся у старосты после смерти моих родителей, не так уж и много. В 2013 году некий американский ученый, смесь гота и анархиста, раздобыл споры черной оспы и создал чрезвычайно агрессивный боевой вирус, который распылил над Нью-Йорком с вертолета. С этого города и началось его победное шествие по Земле. За три года население планеты сократилось в пятьдесят раз. Вирус выкосил всех, кто не смог от него уберечься, и исчез, как его и не бывало, и только миллионы гниющих на улицах городов трупов

были памятью о его работе. Может быть, вирус пропал окончательно, знающие люди говорили, что такое возможно, если он был запрограммирован на какой-то определенный срок жизни, а может быть, что он затаился до поры до времени в недрах земли и развалинах городов. Никто этого не знал, а по большому счету и знать не хотел. Выжили только люди с хорошим иммунитетом или те, кто отселелся в подземных бункерах. Это время было названо тремя черными годами.

После Черного Трехлетия наступила Эпоха Хаоса. Выжившие после эпидемии люди, потеряв правительства, наплевав на закон и общепринятые нормы морали, начали бороться за свое выживание по принципу: убей ближнего своего, пока тебя не убил дальний. Двадцать лет с краткими перерывами продолжалась кровавая вакханалия, в которой было сделано многое из того, что не должно было случиться в обычной жизни. Стартовали ядерные боеголовки, посланные умирающими в подземных бункерах от болезней и голода офицерами, желающими хоть так напомнить миру о своем существовании, взрывались химзаводы, протекали ядерные реакторы, которые некому было обслуживать, а гидродинамический напор рек и озер сносил плотины. Многие досель плотно заселенные области обезлюдели, скрылись под водой, были заражены радиоактивными осадками, антисанитария и война за ресурсы выкашивали род людской без всякой жалости, но и эта эпоха закончилась.

Человек существо стадное и не может долгое время быть без общества себе подобных. Люди стягивались в группы, племена, выбирали вождей, правителей, царей и диктаторов. Жизнь налаживалась, казалось, что возможно новое возрождение человечества, возвращение в Золотой Век, но снова, как и встарь, вставали проблемы политики и ресурсов. Каждое государственное и племенное образование, в том числе и Кубанская Конфедерация, в которой я родился и проживал, стремились расширить свои границы, стать сильнее соседей и отвоевать себе место под солнцем.

Конфедерация образовалась из содружества нескольких так называемых республик, с центрами в Тихорецке, Кропоткине, Майкопе, Горячем Ключе, Новороссийске, Темрюке и Тимашевске. Столицей этого аморфного образования стал полностью разрушенный в Эпоху Хаоса краевой центр, город Краснодар, из которого объединенными усилиями республиканских ополченцев и наемников были выбиты остатки ослабленных голодом и болезнями банд. Прошло девятнадцать лет, Кубанская Конфедерация подмяла под себя три четверти бывшего Краснодарского края и на данный момент стала островком спокойствия, к которому тянулись беженцы из других мест. Для кого-то это был рай на земле, место, где можно было почувствовать себя в безопасности, а для кого-то и жирный кусок, от которого хотелось отломить что-то для себя.

Кем бы хотел быть я? Чем могу быть полезным миру? По большому счету, сейчас я никто и звать меня никак, обычный сельский парень, грамотный, физически крепкий, молодой и без вредных привычек. Первая моя мысль была пристроиться где-то в городской управе, хотя бы мелким писарем или делопроизводителем, но, хорошенько подумав, я пришел к выводу, что, несмотря на всю мою начитанность, мне в этом направлении ничего не светит. Таких, как я, слишком много, а у меня ни связей, ни денег. Оставался только один путь, военный, так как ни к чему другому душа у меня не лежала. Как говорил покойный папа, мы, Мечниковы, только три дела можем делать

хорошо: воевать за родину, людей грабить да в бумагах старых копаться. Что же, наверное, родитель мой покойный был прав. Теперь оставалось только благополучно добраться до города, найти военных, про которых среди поселковой молодежи ходили легенды, и подписать контракт на службу в армии Кубанской Конфедерации.

Утром, чуть только развиднелось, я снова двинулся в путь, и вот, когда я уже прошел Золотую Гору и подходил к Заречью, незаселенным городским окраинам, позади себя я услышал заполошный лай собак. Погоня была недалеко, и, перейдя недавно восстановленный мост через Псекупс, я рванулся в центр. Бежал я так, как никогда до сего момента не бегал. На кону были мои яйца, и думаю, что каждый мужчина меня поймет, они мне были чрезвычайно дороги. Староста, черт с ним, не хотел допустить потери своего авторитета, позиция его понятна, а вот у меня на кон была поставлена вся дальнейшая жизнь. Чья ставка больше? Думаю, что моя.

Добравшись до заселенных районов города и отдышавшись, я сразу же подошел к ближайшему патрулю Народной стражи. Стражники разглядывали меня с подозрением, но не трогали, так как на спине моего полубубка красовалась надпись «Поселок Лесной», а значит, для них я был почти своим.

— Господин стражник, не подскажете, где я могу в армию записаться? — обратился я к старшему, серьезному усатому мужчине средних лет, с красной повязкой на рукаве серой шинели и коротким автоматом на груди.

Тот усмехнулся, провел ладонью по усам и ответил:

— Два квартала прямо, на перекрестке свернешь налево и топай до конца, упрешься в двухэтажное здание из красного кирпича, это и будет военный комиссариат, — он выпростал из кармана шинели левую руку, посмотрел на часы, и добавил: — Сейчас шестнадцать тридцать, вояки работают до семнадцати часов, так что поторопись.

— Благодарю, — бросил я уже на ходу и, опять, загнав поглубже усталость, перешел на бег.

Успел я вовремя, повезло, не заблукал в городских лабиринтах и военный комиссариат нашел быстро. Заскочив в здание, я сразу же направился к молодому, лет двадцати, офицеру, который сидел в стеклянной будке на проходе во внутренние помещения.

— Здравствуйте, — устало выдохнула моя голова.

— И тебе не хворать, парень, — ответил офицер. — Чего хотел?

— В армию вступить.

— Завтра приходи, все уже по домам разошлись.

— Нет, мне именно сегодня надо, обязательно. Пожалуйста, господин офицер.

— Сказали тебе, завтра, значит, так оно и есть, иди с миром, парень, не нервируй меня, — голос дежурного офицера приобрел угрожающие интонации. — Минута тебе, чтоб свалить. Время пошло!

«Вот и все, — мелькнула у меня в этот момент мысль, — отбегался, ты, Сашка Мечников». Но, видно, удача не оставляла меня в этот день, и из коридора появился широкоплечий здоровый мужик в камуфляже, зеленой армейской кепке и при погонах, на которых была видна одинокая, средних размеров желтая звездочка.

— В чем дело, лейтенант? — обратился он к дежурному.

— Товарищ майор, — вскочил со стула офицер и кивнул на меня, — паренек хочет в армию записаться, но все разошлись. Говорю ему, чтоб завтра приходил, а он не уходит... Может быть, наряд вызвать?

— Достаточно, лейтенант, все с вами ясно. Вы в курсе, кто я и зачем приехал в ваш городок?

— Так точно, майор Еременко, «покупатель».

— Я лично займусь парнем, — майор повернулся ко мне, окинул оценивающим взглядом и спросил: — Значит, желаешь контракт подписать?

— Очень, — мой кивок подтвердил слова.

— Документы в порядке?

Оторвав подкладку полушубка, продемонстрировал грозному майору запаянное в прозрачный пластик свидетельство о рождении.

— Грамотный?

— Да.

— Тогда пойдем со мной, рекрут, — офицер-здоровяк развернулся на месте и направился внутрь здания.

Мне оставалось только последовать за ним вслед. Через минуту мы были в небольшом кабинете, обстановку которого состояла из обшарпанного стола и двух таких же стульев. Расположившись напротив офицера, я приготовился к какому-то собеседованию, но вояка время тянуть не стал, вынул из стола два бумажных бланка, чернильную ручку-непроливайку и положил все это передо мной.

— Где пробелы впиши фамилию, имя, отчество, дату рождения и подписывай, — сказал он.

— А почитать можно?

Майор почесал короткий ежик волос на затылке, посмотрел на забранное железной решеткой окно и ответил:

— У тебя осталось восемьдесят секунд, парень. Мой рабочий день оканчивается ровно в семнадцать ноль-ноль.

— Все понял, не дурак, — я схватил ручку, быстро заполнил оба бланка и расписался.

— Вот и хорошо, — майор забрал бумаги, закинул их обратно в стол, встал, дождался пока встану я и провозгласил: — Поздравляю, боец, отныне ты солдат Кубанской Конфедерации и, в ближайшие пять лет ты будешь делать только то, что тебе прикажут. Усек?

— Да, усек.

— Херня, а не ответ. Твои слова: «Так точно, товарищ майор!»

— Так точно, товарищ майор, — послушно повторил я.

— Не слышу бодрости в голосе, но на первый раз сойдет. Пошли в казарму, воин.

Мы направились на выход, и здесь нас ждали двое из трех братьев Демидовых, Семен и Игнат. Третий, наверное, остался с собаками в Заречье, бойцовые и охотничьи животные, в город не допускались. Оба брата что-то доказывали лейтенанту, а тот только разводил руками и, как только увидел нас, сразу же спихнул возникшую проблему на майора.

— Что такое? — мой будущий командир резко шагнул вперед, навис над братьями, и те как-то сразу стали меньше, чем они есть на самом деле.

— Мы братья Демидовы, а вот он, — Семен указал на меня пальцем, — насильник, сбежал из поселка Лесной. Отдайте его нам, господин хороший.

— Это правда? — майор уставился на меня.
— Нет, меня жениться заставляют, а я к такому серьезному шагу еще не готов.

— Знакомая ситуация, — сам себе пробормотал офицер и обратился к братьям: — Доказательства имеются?

— Какие доказательства? — вскрикнул Семен. — Нам никаких доказательств не требуется, мы сами закон.

— Нет бумаги, нет свидетелей, нет дела, а значит, ваше слово против слова солдата-гвардейца. Что главней? — вопросительный кивок в сторону лейтенанта.

— Слово солдата Конфедерации, разумеется, — без раздумий доложил дежурный.

— В общем, так, братья Демидовы. Если вы сильно упертые, то можете пойти в Народную стражу, подадите на парня заявление, но мой вам совет: возвращайтесь домой, добычу свою вы упустили.

Братья, поняв, что майор прав, развернулись к выходу и покинули военкомат, а меня определили в казарму, которая находилась во внутреннем дворе, в другом двухэтажном здании.

Так началась моя служба в войсках славной Кубанской Конфедерации.

Глава 2

Кубанская Конфедерация. Горячий Ключ. 17.11.2056

Итак, я был спасен и начинал новую жизнь. Первый свой вечер в казарме я не запомнил, ноги гудели, тело ломало, а в глазах памороки стояли, так что единственное, на что меня хватило, скинуть с себя полущубок и забраться под грубое одеяло на деревянном топчане, который ничем не отличался от моего прежнего, оставшегося в доме Никиты Демидова.

Служба началась на следующее утро, когда в комнату вошел раздетый по пояс чернявый крепыш, лет двадцати пяти, по виду натуральный адыг, похожий на тех людей, которые у нашего старосты иногда мясо закупали, и прокричал:

— Подъем!

Вскочив, я оглянулся и не сразу осознал, где же нахожусь. Протер глаза, вспомнил вчерашний день и последовал вслед за другими людьми, которые спали на соседних топчанах. Нас было немного, семь человек всего, мы вышли в небольшой внутренний дворик казармы, и началась моя первая в жизни физзарядка. В какой-то древней полуистлевшей книжке, без обложки и, естественно, без названия, читал про суровые армейские будни, и вот то, что я тогда прочитал, в общих чертах совпадало с действительностью. Значит, не полностью мы скатились в варварство, остается что-то неизменное в жизни общества, та же самая утренняя зарядка, например. Уже хорошо.

Пробежавшись несколько кругов по небольшому плацу, размялись, отжались, посетили турник и уложились минут в двадцать. В общем-то, крепыш с адыгейской внешностью гонял не сильно, а так, чисто для отметки, и меня это устроило. Все же вчерашние нагрузки для организма даром не прошли, да и не ел я ничего целые сутки, какие уж тут зарядки, когда в животе требовательно урчит зверек, а мысли все больше на пропитание скатываются.